

II. Извлеченіе изъ историко-географическаго описанія Озерской волости Саратовскаго уѣзда, составленнаго А. Н. Минхомъ.

Село Оркино, Рождественское, Кучулуры тожъ. По большой, бывшей Московской почтовой, дорогѣ, верстахъ въ 67 отъ г. Саратова, между селеніями Озерки Саратовскаго уѣзда и Мокрымъ Петровскаго, вдается угломъ дача, принадлежащая селу Оркину, переходящая версты на 2 за большую дорогу и захватывая ее на протяженіи 3—4 верстъ. Отсюда, съ господствующей возвышенности на дорогѣ, называемой русскими *Спорнымъ Сыртомъ*, на поворотѣ отъ с. Мокраго къ с. Озеркамъ, видно на востокъ, въ широкой долинѣ, верстахъ въ 6—7 отъ дороги, раскинувшееся во всю ширину дола, село Оркино съ высокой колокольной бѣлой каменной церкви.

Село Оркино Озерской волости находится на границѣ Саратовскаго уѣзда съ Петровскимъ и на грани растительной линіи пшеницы въ нашей губерніи: на поляхъ Оркинскихъ дачъ сѣютъ еще пшеницу, но на поляхъ сосѣднихъ селъ, съ западной и сѣверной сторонъ отъ Оркинскихъ дачъ, въ Петровскомъ уѣздѣ, пшеницу хотя иногда и сѣютъ, но она родится плохо и не такъ хороша, какъ полученная съ дачъ с. Оркина и болѣе южныхъ.

Оркинскія дачи представляютъ первую гористую мѣстность по большой дорогѣ отъ г. Петровска, между которымъ и с. Мокрымъ тянется болѣе или менѣе ровная степь. Оркинскія дачи раздѣлены на южную и сѣверную части широкою и плодородною долиною, въ которой лежитъ село. Эта долина — впадина, носящая мѣстное названіе *Провалъ*, начинается у большой дороги

и тянется во всю длину Оркинскихъ дачъ съ запада на востокъ и далѣе къ с. *Сокуру*, на разстояніи болѣе 25 верстъ, — это истокъ рѣки *Чердыма*, вливающегося въ Волгу.

Оркинскія дачи граничатъ съ южной стороны имѣніемъ Брещинскаго — *Нарышкино* и дачами колоніи *Людной-поляны*; съ юга и юго-запада дачами с. *Озерокъ*; съ запада — с. *Мокрая* (Петровскаго уѣзда); съ сѣвера — имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки* и чрезполосно дачами дер. *Яруги* (*Косолаповки* тожъ); съ сѣверо-востока и востока — дачами деревни *Красной-ручки* и *Сокурской* экономіи наслѣдницъ князя Голицына; съ юго-востока — землями той-же экономіи и лѣсной дачей крестьянъ дер. *Богдановки* Саратовскаго уѣзда.

Южная часть Оркинскихъ дачъ представляетъ собою рядъ параллельныхъ хребтовъ, тянущихся съ запада на востокъ, перерѣзаемыхъ глубокими оврагами и долинами, покрытыхъ сплошной лѣсной порослью, годною только на лыки, плетни и мѣстами на колья. Всѣ овраги и долины, проходящія въ горахъ, имѣютъ источники свѣжей и чистой ключевой воды, мѣстами безвкусной, мѣстами же горько-соленой или грубой известковой.

Къ югу отъ села, среди высокихъ горъ, лежитъ оврагъ *Самодуровъ* (названный потому, что въ этой долині-оврагѣ былъ ичельникъ нѣкоего Самодурова), берущій начало верстахъ въ 3-хъ отъ села *Озерокъ*, изъ его дачъ, и тянется къ *Оркину* по направлению къ юго-западу на протяженіе болѣе 3-хъ верстъ. *Самодуровъ* въ своемъ источникѣ имѣетъ отличную свѣжую воду, сила которой, по соединеніи съ нимъ водъ источниковъ, впадающихъ въ него овраговъ и логовъ, можетъ поднять мельницу въ одинъ поставъ, но жители с. Оркина не пользуются этой водою для устройства мельницы и даже, почему то, отказываютъ желающимъ построить такую на Самодуровѣ. — На югѣ, прямо противъ села, при выходѣ изъ горъ *Самодурова*, находится возвышенность *Самодурова пѣнда* (*пѣнда* — по мордовски гора), подымающаяся довольно круто двумя террасами; у подошвы этой *пѣнды* расположенъ фруктовый садъ крестьянина с. Оркина М. М. Нервят-

кина, орошаемый естественнымъ источникомъ одного изъ южныхъ отроговъ Самодурова. — Рядомъ съ этой возвышенностью, еще ближе къ селу, находится довольно высокая *Ворохова панда* (гора), имѣющая со стороны села одну обширную террасу съ каменной, хрящевой почвой, на которой изобильно родится хлѣбъ; со стороны горъ *Ворохова* сливается съ ними незамѣтно въ одинъ общій сыртъ, покрытый густою лѣсною порослью; юго-западная сторона *Вороховой* горы осаживается, отъ подземныхъ источниковъ и весеннихъ водъ, обрывами и ползетъ внизъ въ глубокую балку, поросшую торновникомъ и бобовникомъ. Съ вершины *Вороховой* открывается красивый видъ на Оркино, раскинутое по долигѣ, и Яругу, къ востоку и западу — на сосѣднія горы, покрытыя лѣсомъ, и на долъ (*Провалъ*) съ его зеленѣющими пивами; въ дали же, къ сѣверо-востоку и востоку, синѣютъ горы и горы. — *Ворохова* похожа на насыпной изъ мелкаго щебня курганъ и, какъ передаетъ народное сказочное повѣрье, была насыпана въ былыя времена удалцами, молодыми ребятами, которые землю и щебень таскали сюда въ голенищахъ своихъ сапогъ; гору эту насыпали они для потѣхи и часто игравали на ней въ орлянку, доказательствомъ чему указываютъ находимыя и теперь на *Вороховой* горѣ старинныя монеты.

Къ востоку отъ *Вороховой* идетъ къ другому довольно большому оврагу *Хряпову* и къ *Козельнъ-струбъ-латка* (лощина-сруба-козла)¹⁾ гора *Красная поляна*, отъ которой къ востоку тянется высокій сыртъ, покрытый лѣсомъ и спускающійся обширную террасою, по которой бываетъ порядочный покосъ; къ востоку горы оканчиваются песчаными буграми — *Городничій панда*, у подошвы которыхъ есть отличный родникъ — *Городничій*, названный потому, что недалеко отъ него былъ когда-то, когда Оркино принадлежало къ Петровскому уѣзду, пчельникъ Петровскаго *городничаго*. — Къ югу сыртъ *Ляля-ула-Ланга*, а за нимъ

1) *Козельнъ-струбъ-латка*, мѣстное названіе труппы, въ которой мужикъ, по прозванію *Козель*, какъ рассказываетъ народное преданіе, рубилъ избяной срубъ.

овраги: *Ерёма-Латка*, *Подпаны-и(ж)ельня*, *Чиний-Латка* (вопючій родникъ), склоны покрыты густымъ лѣсомъ. Между оврагами тянутся болѣе или менѣе высокіе и обширные сырты; которые переплетаются между собою и идутъ на востокъ, къ *Сокуру*, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Границю Оркинскихъ дачъ съ землями экономіи наслѣдницъ князя Голицына служитъ здѣсь оврагъ *Кузменка*, который выходитъ въ *Провалъ* (р. *Чердымъ*) и соединяется съ нимъ незамѣтно. На всемъ протяженіи *Кузменки* течетъ ручей свѣжей воды, который беретъ начало высоко въ горахъ, въ дачахъ колоніи *Ягодной-поляны*, но усиливается онъ только въ самой *Кузменкѣ* отъ родника *Гремячаго*, который, по народному преданію, въ старые годы имѣлъ много воды, съ такою силой выбивавшейся изъ подъ земли, между камней, что она *гремяла* и звукъ ея былъ слышенъ на разстояніи 2—3 верстъ. Надъ *Гремячимъ* подымается невысокая гора, въ видѣ сѣдла — *Камбразъ-панда* (Сѣдло-гора), а рядомъ съ нимъ долина — *Божедомъ*, гдѣ, по народному преданію, извѣстный Оркинскій разбойничій атаманъ *Кудеяръ* побилъ и похоронилъ много народу; по другимъ же рассказамъ — не *Кудеяръ*, а *Уланъ*, *Кудеяръ* же, хотя и былъ въ Оркинскихъ дачахъ, но жилъ на горахъ, гдѣ теперь находится село *Лохъ* Саратовскаго уѣзда.

Къ западу отъ *Вороховой*, за *Самодуровымъ* оврагомъ, опять высокій сыртъ — *Озерка-панда*, по которому лежитъ дорога черезъ лѣсъ въ село *Озерки*; съ дороги, на горѣ, видъ на село и окрестность очень живописенъ: отсюда видны два конусообразные пика *Караульныхъ* горъ въ сѣверной части Оркинскихъ дачъ къ с. *Мокрому*. Между *Оркинымъ* и *Озерками*, по этой дорогѣ въ право, лежитъ глубокій оврагъ *Мазаркинъ-и(ж)ельня*, въ которомъ есть отличный родникъ, но съ бѣлою известковою водою; въ оврагѣ находится пчельникъ крестьянина Мазяркина, по имени котораго и названъ оврагъ.

Сѣверная часть Оркинскихъ дачъ не менѣе гориста: къ сѣверу, прямо передъ селомъ, тянется сыртъ, а за нимъ долина *Высокая*, а надъ нею гора *Высокая*, сѣверная часть которой по-

крыта мелкимъ кустарникомъ; видъ съ этой горы на окрестность очень красивъ: къ югу видно изъ за горы почти все Оркино, а за нимъ, съ темнѣющими оврагами и долинами, горы — *Ворохова*, *Красная-поляна* и высокіе сырты, сплошь покрытые лѣсомъ; къ востоку и западу, по *Провалу*, — нивы; къ сѣверу, прямо подъ ногами, въ глубокомъ оврагѣ пріютилась деревенька *Яруга* (*Косолаповка*) съ ея садами по срединѣ; далѣе, черезъ послѣдній степной сыртъ, видно въ лѣвѣ село *Мокрое*, съ низенькой бѣлой каменной церковью, за нимъ дубравы въ деревняхъ *Марсеевскі* и *Таруновскі* (Петровскаго уѣзда), а надъ ними вдали, чуть видная простому глазу, синѣетъ полоса лѣса по рѣкѣ Медвѣдицѣ; прямо, черезъ степь, къ сѣверу — яркая полоса лѣса «*Осиновъ*», въ имѣніи графа Нессельроде *Сколки*; нѣсколько лѣвѣ этого лѣса вдали, виднѣется *городъ Петровскъ* и синѣютъ далекіе лѣса этой части рѣки Медвѣдицы. Къ востоку, по долиנѣ, вѣется дорога изъ Оркина въ Яругу, а далѣе выступаетъ подковообразная дуга довольно высокаго сырта *Бурлячій чараукъ* (*чараукъ*, въ переводѣ на русскій языкъ, значить *кругъ*; причина названія — *бурлячій* неизвѣстна), покрытаго лѣсомъ, а за нимъ опять сыртъ — *Ломъ*, западная часть котораго отъ дѣйствія подземныхъ водъ осаждается и сползаетъ въ оврагъ, отчего получилось названіе сырта — *Ломъ*; за нимъ, вправѣ, виденъ сыртъ, покрытый лѣсомъ, — *Гузиково*. Немного правѣ *Бурлячьяго* рѣзко выдѣляется гора *Шлѣпинъ-панда*, на вершинѣ которой, на высотѣ около 30 сажень отъ подошвы, есть отличный родникъ, къ которому въ засухи ходятъ съ молебнами.

Къ западу вторая высокая гора *Гриша-Лисма-Дѣтка* (Гришина гора, родникъ и лощина), названная отъ разбойника Гришки, проживавшаго недалеко отъ этой горы. На сѣверо-западномъ ея склонѣ, недалеко отъ дороги въ *Мокрое*, ясно виденъ четырехъ-угольникъ — *Кягитъ-Гурдазъ* (каменный дворъ): мѣсто это по народному преданію, было дворомъ разбойниковъ, которые огородили его каменной стѣной и до нынѣ ясно видной въ видѣ четырехъ-угольника, хотя она и обвалилась.

За *Высокой* ярко выступают двѣ конусообразныя горы — *Караульныя-панды*; онѣ получили это названіе, какъ говоритъ народное преданіе, отъ того, что въ прошломъ столѣтіи (XVIII) служили пунктомъ, съ котораго разбойники, жившіе въ тогдашнихъ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ и оврагахъ, наблюдали за большою дорогою. — *Кявинь-Гардазъ*, гдѣ жили разбойники, отъ *Караульной горы* не болѣе какъ въ полуверстѣ, а потому послѣдняя представляла имъ удобный наблюдательный постъ. Рассказываютъ, что между обѣими горами *Караульной-панды*, въ долинѣ, разбойники имѣли землянки, и у нихъ былъ колоколъ, въ который, при извѣстныхъ случаяхъ, какъ на примѣръ — тревогѣ, или для сообщенія товарищамъ о приближеніи обоза, они звонили въ набатъ; здѣсь же потомъ разбойники зарыли все награбленное и колоколъ. Рассказываютъ также, что нѣкоторые видѣли въ землѣ ушки этого колокола, но это бываетъ, будто бы очень рѣдко и только на первый день Пасхи, между заутреней и обѣдней; тогда всякій можетъ видѣть все, что спрятали здѣсь разбойники, все это является въ прежнемъ видѣ: землянки и колоколъ; въ одной отпертой землянкѣ виденъ горящій огонь, а на полу и по угламъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно войти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоценности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за вошедшимъ запирается, и къ нему является хранитель ихъ сокровищъ и требуетъ отъ него его собственную душу, или душу младенца, или того, что для него всего дороже, что и должно быть доставлено въ срокъ. Говорятъ, что бывали случаи, что вошедшій туда пропадалъ или же пѣмѣлъ отъ испуга и вскорѣ умиралъ; ежели же кто бралъ деньги и выходилъ благополучно, то и тогда деньги эти *въ прокъ* не шли: червонцы были *неразмѣнные* и возвращались назадъ, а за истраченные цѣлые золотые, взявшій ихъ платился ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ, и самъ онъ дѣлается жертвой сухотки и умираетъ. — Съ вершины *Караульной* горы видъ почти одинаковъ, какъ и съ *Высокой*, только измѣняется ландшафтъ горъ и долинъ: отсюда село *Мокрое*, какъ

будто чуть не подъ ногами; большая дорога видна верстъ на 30 въ сторону Петровска и верстъ на 10 къ Озеркамъ; ясно видно, какъ по ней тянутся обозы съ грузомъ.

Всѣ возвышенности и горы въ Оркинскихъ дачахъ сверху покрыты слоемъ чернозема, подъ нимъ залегаетъ хрящъ, ниже песокъ или глина. Въ глубокихъ лощинахъ, къ сѣверу отъ села, верхній слой чернозема имѣетъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 аршина толщины, за тѣмъ слой хряща и песку толщиною въ сажень и болѣе, потомъ глина, преимущественно сѣрая или желтоватая; ее берутъ изъ овраговъ для обмазки стѣнъ избышекъ, отъ чего на этихъ мѣстахъ образуются большія ямы, которыя часто обваливаются, при чемъ иногда случаются несчастія съ людьми. На *Высокой*, *Караулыныхъ* и другихъ горахъ¹⁾ во множествѣ попадаются бурые, даже черные камни съ блестками, по которымъ можно предполагать присутствіе руды — колчедана; сыръ же къ сѣверу отъ *Яруги* содержитъ мѣль, съ виду, въ кускахъ — сѣрый, а распущенный въ водѣ — онъ становится бѣлымъ; жители с. Оркина, д. Яруги и окольные берутъ этотъ мѣль, или, какъ они называютъ, глину, для обѣлки избъ. Существующая здѣсь разная глина — желтая, бѣлая и красная употребляется жителями для обмазки избъ и хлѣбовъ, причемъ она идетъ не чистой, а съ примѣсью соломы и навоза.

Почва Оркинскихъ дачъ вообще черноземная, слой чернозема доходитъ иногда до 1 аршина глубины; по всему «*Провалу*», за небольшими исключеніями, — черноземъ; къ западу супесковатая — «*картофельная*» земля; при впаденіи *Самодурова* и въ самомъ Самодуровѣ — суглинистая; къ востоку отъ села, версты за 3, по горнымъ склонамъ южной части дачъ и склону къ *Кузменкѣ* — песчаная и супескъ, а по дорогѣ въ *Красную-рычку* и правѣе — черноземная; затѣмъ въ степи, за дер. *Яругой*, съ которой Оркинскія дачи расположены черезъ пологъ, почва — черноземная, мѣстами глинистая, мѣстами попадаются солонцы.

1) Надо замѣтить, что жители Саратовской губерніи, представляющей преимущественно довольно ровную мѣстность, называютъ горами высокіе бугры и шиханы.

Повсюду горы и горные склоны, за весьма рѣдкими исключениями, покрыты лѣсомъ и лѣсной порослью; здѣсь растутъ преимущественно: дубъ, береза, осина и липа, затѣмъ вязъ, кленъ, неклень, рябина и ива, а по оврагамъ и мочажинникамъ—ивнякъ, ольха и во множествѣ торновникъ и орѣшникъ; урожай орѣховъ бываетъ періодически, и въ хорошій годъ бабы и дѣвки набираютъ пуда по 3 каждая. Въ лѣсахъ водятся волки, лисы, бѣлки и во множествѣ — зайцы; изъ птицъ много куропатокъ и тетеревовъ. Всего лѣсу въ Оркинскихъ дачахъ считается по планамъ и межевымъ книгамъ $2549\frac{1}{4}$ десятинъ казенной мѣры, но въ настоящее время лѣса эти нельзя назвать лѣсами, такъ какъ они вырублены и до того забиты толокою (скотомъ), что трудно подымаются, а мѣстами совсѣмъ пропадаютъ; безтолковая и нерасчетливая вырубка, при небрежномъ надзорѣ общества и запускѣ скота — вотъ причины упадка лѣсного хозяйства.

Повсюду въ южной и сѣверной частяхъ Оркинскихъ дачъ множество ключей, родниковъ и источниковъ, спускающихся въ *Провалъ* и текущихъ затѣмъ ручьемъ, въ небольшомъ овражкѣ, черезъ с. *Оркино* къ *Сокуру*, куда протекаетъ долиною *Елховкою*, и въ 4-хъ верстахъ отъ с. *Сокура*, соединившись съ рѣкою *Сокуромъ*, образуетъ рѣку *Чердымъ*, впадающую въ Волгу.

Вслѣдствіе особеннаго положенія с. *Оркина* въ горахъ, въ глубокой, хотя и открытой для восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, долины, климатъ здѣсь отличается отъ климата сосѣднихъ селъ — *Озерокъ*, лежащаго въ 6 верстахъ, и *Мокрая* — въ 5; здѣсь не такъ чувствительны зимнія вьюги, метели и холодные сѣверные вѣтры: когда на степи, въ с. *Мокромъ*, буря, въ *Оркинѣ* нерѣдко бываетъ тихо, горы сдерживаютъ вѣтеръ, и буря не такъ чувствительна. Весною, при малѣйшей оттепели, въ Оркинѣ таетъ, и по улицамъ бѣгутъ ручьи, тогда какъ въ *Мокромъ* и *Озеркахъ* едва чувствуется оттепель. При наступленіи оттепели, горы, окружающія Оркино, начинаютъ дымиться (туманиться); туманъ застилаетъ и село, такъ что его не видно. — «Ну, быть теплу, говорятъ крестьяне, *Озѣрка-панда* и *Самодуровъ* шумятъ», и какъ

только въ южныхъ горахъ къ Озеркамъ зашумить вѣтеръ въ лѣсу, то это первый признакъ оттепели. Весна въ Оркинѣ открывается всегда ранѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ селахъ, и какъ только горы и склоны ихъ освободятся отъ снѣга, такъ уже гонять на нихъ для подножнаго корма стада овецъ.

Привольныя мѣста заняты Оркинцами; привольны ихъ дачи и теперь, но что было на этихъ мѣстахъ за сто, полтораста лѣтъ назадъ! Эта роскошная мѣстность, въ давнія времена, по словамъ пріѣзжающихъ въ Оркино татаръ изъ г. Петровска, принадлежала Золотой Ордѣ; до сихъ поръ остались еще слѣды длиннаго, въ нѣсколько верстъ, вала, сложеннаго изъ дикаго камня и плитняка¹⁾; онъ былъ двойной и отъ времени осѣлъ и развалился; пространство между обоими валами не болѣе 40—50 сажень; валъ этотъ, или какъ называется его мордва — *стѣна*, тянется въ западной части Оркинскихъ дачъ, почти на границѣ, то переходя съ Оркинской на Мокринскую (Петровскаго уѣзда), то служа гранью между ними. По словамъ старожиловъ, народное преданіе говоритъ, что «очень давно, при грозномъ царѣ, на нынѣшней грани Петровскаго уѣзда съ Саратовскимъ, между теперешними селами Мокрое и Оркино, было какое то татарское поселеніе и стѣна служила ему защитой отъ нападенія русскихъ сосѣдей, жившихъ не далеко отъ нихъ». — За этимъ валомъ или «стѣной» начиналась степь, на которой до сихъ поръ остались слѣды множества кургановъ, которыхъ много и на Оркинскихъ дачахъ, между дрв. Яругой и имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки*, а потому, не вслѣдствіе ли этого Оркино получило и другое названіе, болѣе употребительное между народомъ, — *Кучугуры*, передѣ-

1) Изслѣдовавъ эту *сторожевую черту*, я нашелъ, что каменная стѣна вѣроятно существовала лишь въ воображеніи мѣстныхъ крестьянъ, но сторожевая линія дѣйствительно проходила здѣсь и, вѣроятно, состояла изъ *мелкой застройки*; остались еще слѣды двухъ параллельныхъ валиковъ. (См. «Саратовскій Сборникъ», изд. Губ. Статис. Комитета, т. I, 1881 года: «Поѣздка въ Песчанку, Оркино и Лохъ»). — Позднѣе въ «Трудахъ» Сарат. Архив. Комис. 1888 г., стр. 278—284, въ моемъ очеркѣ «Замедвѣдичій край до р. Карамыша», мною описаны слѣды этой сторожевой черты и приложены: карта мѣстности, чертежи Оркинскихъ горъ и слѣды черты, идущей къ Яругѣ. А. М.

ланное по всей вѣроятности на мордовскій или русскій ладъ съ татарскаго — *кечи-юргъ*, т. е. *могилки*; русскіе же толкуютъ это названіе — *куча-юргъ*; всякій, кто видитъ мѣстность с. Оркина, оглядываясь кругомъ на горы, говорить: «и въ самомъ дѣлѣ — *кучугуры*». Нѣкоторые изъ кургановъ-могилъ раскапывались мѣстными жителями, и въ нихъ находили человѣческія и лошадиныя кости. Въ 1874 году нѣсколько крестьянъ с. Оркина, наслушавшись разныхъ разсказовъ про богатства, скрытыя въ этихъ могилахъ подъ курганами, раскопали одинъ изъ нихъ и, послѣ 3—4-хъ дневныхъ трудовъ по почамъ, нашли въ разрытой могилѣ кости человѣка и лошади, стремяна отъ сѣдла и еще что-то; куда дѣвали они эту находку — неизвѣстно; говорятъ, что стремяна были особенной формы и изъ серебра. Преданіе говорить, что между селами Оркино и Мокрымъ, въ давнія времена, было татарское селеніе, но слѣдовъ его нигдѣ не видно, кромѣ одного мѣста, а именно: на дорогѣ изъ Оркина въ Мокрое, не далеко отъ грани (сторожевой линіи), между валами, о которыхъ сказано выше, замѣтны были остатки какихъ-то каменныхъ построекъ, совершенно развалившихся и отъ времени заросшихъ въ землю, но теперь они случайно открыты, и крестьяне с. Мокраго и окольныхъ деревень берутъ отсюда камни для своихъ нуждъ¹⁾; народное преданіе указываетъ на это мѣсто, какъ на татарское древнее городище или кладбище, но послѣднимъ они не могли быть; существованіе здѣсь селенія является тоже крайне сомнительнымъ въ полѣ или лѣсу, который, судя по существующему и теперь, довольно густому перелѣску, былъ здѣсь, какъ видно, изъ стари.

Въ прошломъ XVIII столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, мѣстность, занимаемая дачами Оркина, Озерокъ и Мокраго, была почти

1) Въ 1880 г. я изслѣдовалъ эту мѣстность и ясныхъ слѣдовъ построекъ не нашелъ: слѣды сторожевой черты идутъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, причемъ, по указанію А. Л. Леонтьева (учителя Оркинской школы), я осмотрѣлъ двѣ довольно большія ямы, — одну у дороги на самой чертѣ, другую — по этой же дорогѣ къ Оркину въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ линіи курганчиковъ; камни изъ нихъ были уже вывезены окрестными селеніями. А. М.

сплошь покрыта дремучими лѣсами¹⁾, служившими надежными притонами многочисленнымъ шайкамъ разбойниковъ и всякому бродячему люду, такъ что проѣзжіе по большой дорогѣ изъ Саратова въ Пензу принуждены были ѣздить большими людными обозами и вооруженные. Этотъ лѣсной околodoкъ, изобиловавшій множествомъ озеръ, ручьевъ, болотъ и мочезинъ, далъ свое названіе двумъ сосѣднимъ селеніямъ: Озеркамъ и Мокрому. — Въ лѣсахъ водилось тогда много дикаго звѣря: медвѣдей, о которыхъ теперь забыли, волковъ, приносящихъ и теперь немалый вредъ крестьянскому хозяйству Оркина и сосѣднихъ селеній; было много лисъ, куницъ и прочаго. — Разбойникамъ и бродягамъ привольно жилось въ такихъ мѣстахъ и, какъ говорятъ, они въ прошломъ XVIII столѣтіи жили здѣсь поселками.

Оркино заселено раньше сосѣднихъ Озерокъ и Мокрая, но и съ основаніемъ мордовской деревни, продолжались убійства, разбои и грабежи по окрестностямъ; старожилы говорятъ даже, что первые засельщики Оркина сами ходили на грабежъ и разбои, а также давали пріютъ и укрывали у себя разбойниковъ и ихъ семейства, награбленное же пряталось въ лѣсныхъ тущобахъ и оврагахъ, въ вырытыхъ тамъ погребахъ и ямахъ. Преданіе указываетъ на нѣсколько такихъ мѣстъ и на зарытые тамъ клады: *Ка-раульная-панда*, *Кевень-гардазъ*, *Козельный-струбъ-латка*, *Кузменка* и другіе. Рассказываютъ, что въ *Козельный-струбъ-латка* загналъ случайно старикъ лошадей; спутавъ ихъ, онъ хотѣлъ уже идти домой, какъ подъ ногами, въ промоянѣ, увидалъ конецъ торчащей изъ земли на полъ аршина почти сгнившей колоды; въ ней лежали старинныя мѣдныя деньги и старикъ взялъ ихъ нѣсколько штукъ, но тотчасъ же ослѣпъ; онъ бросилъ деньги обратно и снова прозрѣлъ; раза два повторилъ онъ то же и каждый разъ, какъ бралъ монеты, лишался зрѣнія, возвращавшееся тогда, когда онъ клалъ ихъ обратно; послѣ того никто уже не видалъ этой

1) Лѣса эти тянулись черезъ теперешнія: Озерскую, Ягодно-полянскую, Полчаниновскую и Вязовскую волости далеко на сѣверъ и обозначены на картѣ Волги у Олсarıя, первой половины XVII столѣтія. А. М.

колоды. — Года четыре тому назадъ нѣсколько молодцевъ рыли на этомъ мѣстѣ *кладъ* по почамъ и открыли конецъ толстой мѣдной проволоки, но открытая въ одну ночь, она пропадала снова въ слѣдующую; при этомъ нашли они только обыкновенный ножъ. Въ *Козельнь-струбъ-латка*, по преданію, жили разбойники въ каменныхъ и кирпичныхъ землянкахъ, которыя отъ времени разрушились, но и теперь на этомъ мѣстѣ находятъ груды камней и кирпичей. — Искатели кладовъ часто рыли въ окрестностяхъ Оркина, но ничего не находили. — Рассказываютъ, что одинъ мужикъ шелъ однажды лѣсомъ въ Ягодную-Поляну мимо мѣстъ, изрытыхъ кладонскаателями; ему тоже пришла мысль попытать счастья и, замѣтивъ старый пенъ надъ ручьемъ, онъ сталъ обрубать его; послѣ нѣсколькихъ ударовъ топоромъ, изъ разсѣлины пенька выпало нѣсколько серебряныхъ монетъ, похожихъ на рыбу чешую, и онъ набралъ ихъ 90 слишкомъ штукъ, которыя потомъ и были отобраны у него волостнымъ писаремъ, но куда онѣ за тѣмъ дѣвались — неизвѣстно.

Село *Оркино* населено мордвою, но откуда они пришли — мордва не помнитъ; называютъ они себя *Эрзя*. По генеральной ревизіи 1745—47 г.г. уже показана Петровскаго уѣзда деревня *Оркина*, заселенная мордвой изъ Пензенскаго уѣзда деревень *Мачима* и *Садома*; во время ревизіи 1745 г. въ ней показано 110 душъ муж. пола, поселенныхъ до этой ревизіи. — Въ народѣ, о заселеніи Оркина существуетъ преданіе, что пришедшій сверху мордвинъ *Орька*, облюбовавъ эти мѣста, выпросилъ у правительства позволеніе поселиться здѣсь съ нѣсколькими семьями другихъ мордвовъ; полагаютъ, что это было въ началѣ прошлаго XVIII столѣтія. Узнавъ о привольномъ житѣ *Орьки* и его товарищей, пришло къ нему еще нѣсколько мордовскихъ семей изъ верховыхъ деревень: *Козловки*, *Ерёмовки*, *Сарайкина* и другихъ и поселились на мѣстѣ нынѣшняго Оркина отдѣльными хуторами и дворами, называвшимися: *Ерёмовкою*, *Сарайкинымъ* и другими *куреньями*. До сихъ поръ улицы Оркина носятъ названія: *Ерёмовка* — за рѣчкою, въ сѣверной части села; *Сарайкина куреня* —

въ концѣ села къ сѣверо-востоку, по дорогѣ въ с. Лохъ, и прочіе. По разсказамъ другихъ, *Орька* былъ просто шатавшійся мордвинъ, разбойничавшій по дорогамъ и глухимъ мѣстамъ; бродя съ такими же товарищами по лѣсамъ, онъ случайно попалъ въ мѣстность, гдѣ теперь стоятъ *Оркино*, Мокрое и Озерки, гдѣ въ то время разстилались глухія лѣсныя дебри, болота и мочежинники; мѣстность пришлась ему съ руки, и онъ остался здѣсь, построилъ курени и продолжалъ грабить проѣзжихъ по большой дорогѣ; имя его перешло въпослѣдствіи къ образовавшемуся селенію, которое потому правильнѣе должно называться — *Оркино*. До сихъ поръ есть въ селѣ нѣсколько семей, посящихъ фамилію перваго засельщика — *Ортины* или *Оркины*.

Средина нынѣшняго Оркина стоитъ на непроходимыхъ въ былые годы — трясинѣ и болотѣ. Избенки первыхъ поселенцевъ стояли на берегу бывшаго тогда озера, которое, по народному преданію, было такъ глубоко, что дна не доставали; его въпослѣдствіи завалили и загатили такъ, что на мѣстѣ бывшаго озера и болотъ стоитъ теперь сельское правленіе, а рядомъ тянутся огороды, на которыхъ отлично растутъ капуста и картофель; огромныя старыя ветлы на этихъ огородахъ и весною страшная невылазная грязь на площади напоминаютъ еще о заваленномъ здѣсь болотѣ. Есть еще старики въ Оркинѣ, которые помнятъ, какъ гатили болото, образовавшееся изъ бывшаго озера: въ него валили лѣсъ, пни и тысячи возовъ навозу; лѣсу было тогда много, стоялъ онъ крупный, въ нѣсколько обхватовъ толщиною, его тогда не жалѣли, рубили и валили въ болото, такъ что и теперь еще при рытьѣ погребовъ и колодцевъ въ этихъ мѣстахъ находятъ, на глубинѣ 2—3-хъ аршинъ, толстыя дубовыя комли; вода въ этихъ колодцахъ выступаетъ на незначительной глубинѣ 2—4-хъ аршинъ. Кругомъ озера росъ вѣковой лѣсъ, такъ что деревня строилась въ лѣсу и матерьялъ для построекъ былъ подъ руками у поселенцевъ. Со временемъ лѣсъ этотъ вырубилъ и выкорчевали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ его. — По горамъ, кругомъ села, и теперь еще много лѣсу, но онъ очень плохъ, мѣ-

локъ, и послѣдній старый лѣсъ вырубленъ около 1850-хъ годовъ; но у многихъ еще на памяти, тѣ темные, непроходимые лѣса, застилавшіе горы и бараки съ ихъ полянами, изобиловавшими ягодами и логами, полными студенохъ ключей и ручьевъ; съ рубкой лѣса стала пропадать и вода. Въ этихъ лѣсахъ, кромѣ другой дичи, водились медвѣди, и крестьяне часто ходили на нихъ охотой. Между мордвой и теперь есть охотники, которые съ ружьями, а больше съ дубинками ходятъ на лисъ и зайцевъ; на Покровъ же (1 Октября), чуть не половина села выходитъ съ раннего утра въ лѣсъ, и тамъ крикомъ, шумомъ, гамомъ и собачьимъ лаемъ выгоняють дичь, убивая ее ружьями и палками.

Въ старину, когда лѣса притѣняли почву, дававшую много влаги, земля родила лучше и урожаи были баснословные. Теперь почва истощалась, но, несмотря на массу навоза, гнѣющаго въ селѣ и за селомъ, никто не думаетъ удобрить имъ истощенныя поля.

Первые засельщики Оркина занимались хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ и грабежами на большой дорогѣ. *Орька* и пришедшая съ нимъ мордва были язычниками и, какъ говорятъ, имѣли своихъ боговъ, которымъ поклонялись и приносили жертвы: у нихъ была въ лѣсу священная поляна, находившаяся, по преданію, или въ лощинѣ *Козельнъ-струбъ-латка*, или на сырту — *Красная-поляна*. Тамъ стоялъ избяной срубъ, въ которомъ жилъ или жрецъ, или же самъ богъ — *Вѣри-насъ-кормилецъ*; въ это святилище никто не могъ входить, иначе бы заплатился головою. Въ извѣстное время, по вечерамъ, мордвы приходили лѣсными тайными тропами на эту поляну и, собравшись, раскладывали костеръ, ѣли, пили и веселились, прыгали черезъ костры, водили вокругъ нихъ хороводы и потомъ приносили жертвы богу въ видѣ хлѣба и мяса, которые и клали около сруба (существуетъ преданіе, что на полянѣ передъ срубомъ стоялъ на возвышеніи *идолъ* (?); названіе Бога — «*Вѣри-насъ-кормилецъ*» можно понимать двояко: *Вирь-насъ* — *лѣсной богъ* и *Вѣри-насъ* — *верхній богъ* или *богъ въ верху*). За тѣмъ мордва молилась, становясь на колѣни, и просила своего бога о своихъ

нуждахъ, говоря такъ: «Вѣри-пасъ-кормилецъ, дай монянь алаша, монь алаша кулысь»... «Вѣри-пасъ-кормилецъ дай монянь рѣвя»... или «... ярмакъ» (въ переводѣ: «Верховный богъ кормилецъ, дай мнѣ лошадь, моя лошадь умерла; ... дай мнѣ овцу; ... дай мнѣ денегъ») и т. д.; каждый высказывалъ свою нужды и на ихъ мольбы голосъ изъ сруба отвѣчалъ: «дамъ». Народное преданіе рассказываетъ, что въ срубѣ жилъ богъ, въ видѣ здороваго мужика.

Кромѣ *Вѣри-пасъ*, мордва обоготворяла: громъ — *«пуриня»*, молнію — *ѣндыль*, солнце — *чи*, мѣсяцъ — *ковъ*, звѣзды — *тляить*; вѣрили они также, какъ въ боговъ, и поклонялись: домовымъ — *юртз-ава*, лѣшнымъ — *сирь-ава*, водянымъ — *сядь-ава* и проч.; даже въ шумѣ вѣкового лѣса видѣли они боговъ и трепетали ихъ.—Вѣра въ домовыхъ, лѣшныхъ и т. п. и до сихъ поръ такъ же сильна между мордвой, какъ въ старыя времена язычества; кромѣ того мордва вѣрила и теперь вѣрить всякаго рода гаданіямъ, нашенстваніямъ и т. под.; они убѣждены, что люди, находящіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ злыми духами: колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя образъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; и теперь вѣрятъ, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ *оборотни* и пугаютъ народъ. Рассказываютъ, что по ночамъ по селу ходитъ *бука*, родъ оборотня, съ виду похожій на конну сѣна; бродитъ онъ по всему селу, въ особенности на площади вокругъ церкви; гонясь за прохожими, онъ издаетъ звуки, похожіе на ворчаніе сердитой собаки, и лишь только появится народъ на крикъ понавшагося *букъ* челоуѣка, онъ оставляетъ его и пропадаетъ среди толпы: «въ землю проваливается, въ тартаръ»—говоритъ мордва. Однажды, сказываютъ, *бука* появился среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ, сбѣжался народъ, начали бить *буку* дублями, но тогъ, быстро повернувшись, пропалъ.

Мордва боялась и боится мертвыхъ, и между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ за кладбищемъ или около него: «а ну какъ мертвецы то встопутъ».

Въ былые годы скоропостижно умершихъ: опойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронили вѣтъ кладбища; такъ и въ Оркинѣ ихъ зарывали далеко отъ села въ лѣсу; на это мѣсто въ *Самодуровомъ* оврагѣ, близъ *Лапанъ-ц(ж)ельня-яся* (мордовское названіе ущелья и дороги въ немъ; *яся* — значить дорога между двухъ крутыхъ горъ; мордва произноситъ и — *«чельня»* и — *«жельня»*), мордвинъ боится ходить въ одиночку, потому что похороненный тамъ *«убивецъ»* бродитъ по лѣсу и пугаетъ народъ своимъ крикомъ — *«эдакимъ страшнымъ»*; подъ вечеръ въ особенности *убивецъ* всегда *«больно»* кричитъ: кричитъ и стонетъ филиппъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но мордва и слышать не хочетъ такого толкованія. Сказываютъ, что *убивца* нѣкоторые видѣли, и онъ будто-бы разговаривалъ съ однимъ мужикомъ, объяснивъ ему, что онъ потому ходитъ, что *«въкъ жизни его не кончился»* и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертью; тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ, а такъ какъ онъ выходитъ изъ могилы, въ ногахъ — выросла на ней осина, а въ головахъ — орѣховый кустъ.

Здѣшняя мордва были язычниками до конца первой половины XVIII вѣка и были крещены въ 1745—50 г.г. священникомъ Андреемъ Антиповымъ. Мордва крестилась неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и священникъ съ причтомъ, то мордвы прятались, кто на дворахъ, а кто въ лѣсъ; ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками¹⁾. Рассказываютъ, что одинъ мордвинъ, молодой наренъ, подгоняемый палкой, бросился на священника и потащилъ его съ собою въ воду. Мордва была крещена не вся сразу, а въ нѣсколько приѣмовъ; тогда же въ Оркинѣ начата была постройка небольшого дере-

1) Въ 1743 и 1744 г.г. было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ капищъ въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской. Сохранились въ архивахъ жалобы мордвовъ 1745 г., что ихъ заставляють креститься силою, отказывающихся быть, заковываютъ въ кандалы, или связанными окунають въ *купель* и надѣваютъ кресты. А. М.

вяннаго храма, во имя Рождества Христова, который поставили на берегу озера, на срединѣ небольшой еще въ то время деревни; теперь, на мѣстѣ алтаря этой прежней деревянной церкви, сло-манной за ветхостію въ 1840-хъ годахъ, стоитъ на площади за сельскимъ правленіемъ, деревянная часовенка съ крестомъ, а около—нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ крестовъ на старыхъ могилахъ. Въ 1844 году, вмѣсто стараго полуразрушившагося храма, построена на другой, болѣе возвышенной, площади довольно обширная и высокая каменная церковь, тоже во имя Рождества Христова. Въ этомъ новомъ храмѣ, до сихъ поръ, хранятся богослужебныя книги, взятые изъ старой церкви, съ слѣдующими надписями, указывающими на время крещенія мордвы: «Сія книга Ея Императорскаго Величества казенная отдана изъ конторы новокрещенныхъ дѣлъ въ Петровскій уѣздъ, въ новокрещенное село Рождественское, Оркино тожъ, въ церковь Божию, священнику Андрѣю Антипову. Октября 17 дня 1760 года». Такія надписи имѣются на книгахъ: Евангеліи, Апостолѣ, Октоихѣ и Цвѣтной тріоди; метрическія же книги ведутся при церкви съ 1801 года; весь причтъ въ то время состоялъ изъ священника, дьякона, дьячка и пономаря.

Во второй половинѣ XVIII вѣка мордва была еще болѣе груба и дика, чѣмъ въ XIX столѣтіи: часто оскорбляли они священника и причтъ и ничего не хотѣли платить за совершеніе требъ. Церковь была очень бѣдна, и духовенство жило въ страшной нищетѣ: говорятъ, что священникъ ходилъ въ лантяхъ и сермягѣ. Принятіе христіанской вѣры мало вліяло на мордву; они хотя и считались православными, но тайкомъ ходили въ лѣсъ на «молянъ» и кланялись своимъ прежнимъ богамъ; это преслѣдовалось какъ духовенствомъ, такъ и начальствомъ: моляны были запрещены, капища не разъ разрушали, а бывшихъ на молянахъ строго наказывали. Поэтому мордва принуждена была бросить свою прежнюю вѣру и, мало по малу, не забывая совѣтъ своихъ старыхъ боговъ, стала переносить свои прежніе обычаи на праздники и разные случаи православной вѣры. Такимъ образомъ

скоро является у христіанской уже мордвы — *молянъ Пурёскъ*, напоминавшій своею обрядностью прежнія языческія празднества. — «*Пуря*» — значить медовый квасъ, отъ него то и произошло названіе моляна, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ; *Пурёскъ* всегда посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжая молебное шествіе по извѣстнымъ мѣстамъ, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготавлился *Пурёскъ*: здѣсь, на открытой и веселой лужайкѣ, стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и кадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудями лежали пироги (*пирякѣ*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ, надъ ближайшимъ ручьемъ или родникомъ, молебенъ и садился за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него; подвыпивши, принимались пѣть и плясать, а вечеромъ разводили костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки; пиръ продолжался долго при свѣтѣ этихъ костровъ. Кромѣ моляна *Пурёскъ*, праздновался еще молянъ — «*Саразъ-алъ-оскъ*» (*саразъ* — сокращенное изъ *саразысъ* — курица; *алъ* — куриное яйцо): этотъ молянъ имѣлъ ту особенность, что на немъ ѣли куръ, которыхъ рѣзали тутъ же на мѣстѣ, и куриныя яйца, отъ чего произошло самое названіе моляна. Молянъ *пурёскъ* праздновался за селомъ, въ оврагѣ подъ *Вороховой* горой, и оврагъ этотъ до сихъ поръ называется *Пурёскъ*; мѣсто же моляна *саразъ-алъ-оскъ* неизвѣстно, но, какъ предполагають, было надъ большимъ родникомъ, который теперь находится уже въ селѣ, на концѣ улицы при выѣздѣ на Озерскую дорогу черезъ лѣсъ; вода въ немъ чистая и прѣсная, чего въ другихъ родникахъ села нѣтъ; поэтому водой его пользуется теперь почти все село.

Заслуживаетъ вниманія праздникъ, справляющійся ежегодно на Покровъ (1-го октября) дѣвками и парнями всего села и называвшійся — «*сытчинъ*», на который дѣвки, стоворившись заранее, снимали неподалеко нѣсколько квартиръ. Сюда приносили онѣ куръ, гусей, мясо и другіе принасы; передъ самымъ праздникомъ варили брагу, въ продолженіи же *сытчинъ* ежедневно пекли

пирогы и приготавливали разныя кушанья, затѣмъ пряли, пѣли пѣсни и плясали подѣ обычный свой припѣвъ: «даили-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и пряниковъ. На *сынчинахъ* дѣвки одѣвались въ самые лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную, одежду—*покай*, весь вышитый мишурой, блестками и увѣшанный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погремками, блестящими и звонкими бляшками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ пурпуровомъ нарядѣ. За тѣмъ парни приводили имъ, для катанья верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непременно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попону. Дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штанахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, причемъ, навѣшанные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздницъ. На эти *сынчины*, продолжавшіяся недѣлю, пріѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики и даже «господа» изъ Петровска, причемъ холосые гуляли здѣсь на ряду съ парнями. Последняя *сынчина* была лѣтъ 20 тому назадъ (въ концѣ 1850-хъ годовъ), за тѣмъ годъ отъ году неурожай заставилъ оставлять этотъ народный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; *покай*, въ который рядились дѣвки, почти нельзя уже ни у кого встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы и остатки отъ бывшихъ на *покай* украшеній.

Пугачевщина и для Оркина не прошла безслѣдно: толпы Пугачева, шедшія изъ Пензы, черезъ Петровскъ, на Саратовъ, захватили и Оркино. Рассказываютъ даже, что здѣсь былъ самъ

Пугачевъ (вѣроятно, одинъ изъ его атамановъ, которыхъ всѣхъ звали—*Пуачами*) и останавливался въ хатѣ мордвина Скупцова, жена котораго украла у него мѣшокъ съ деньгами и спрятала ихъ, сначала въ солому на крышѣ, а потомъ перенесла «на задъ» и тамъ высышала въ кучу лежавшихъ бревенъ, гдѣ они и остались цѣлы; отъ того Скупцовы и до сихъ поръ богаты. Священникъ, съ прихода Пугача, какъ рассказываетъ народное преданіе, куда то спрятался и пропадалъ все время, пока толпище не оставило совсѣмъ Оркина и его окрестностей; за то досталось дьякону, котораго прислали спросить — гдѣ полтъ? и какъ онъ не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ указать убѣжища священника, то его и вздернули на веревкѣ на воротній столбъ и задушили. Многіе относятъ повѣшеніе дьякона вовсе не ко времени пугачевщины, а, говорятъ, его повѣсили мордвы, за то, что онъ спряталъ отъ нихъ попа, на котораго они были злы и съ которымъ хотѣли расправиться по своему. Подчища самозванца вели съ собой много захваченныхъ по пути дворянъ и одного изъ нихъ повѣсили или зарѣзали, верстахъ въ 3-хъ отъ Оркина, на горѣ, получившей оттого названіе — *Бояринъ-пря*, т. е. *боярская голова*. Съ пугачевцами ушло изъ Оркина нѣсколько человѣкъ мордвовъ, которые вскорѣ вернулись съ обрѣзанными ушами и носами; свернувъ, съ большой дороги, на Оркино, рассказываетъ преданіе, обезображенные бѣглецы постыдились идти въ такомъ видѣ въ свою деревню и рѣшились лучше умереть, почему, при входѣ въ лѣсъ, они бросились другъ на друга и перерѣзались ножами.

Въ с. Оркинѣ по 10-й ревизіи считалось — 1407 душъ муж. пола, а въ 1880 году числится — 2048 д. м. п. и 2144 женскаго, а всего 4192 д. об. пола мордвовъ.

Оркинская мордва большею частью средняго роста, съ выдающимися скулами, жидкой, рѣдкой и щетинистой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими (татарскаго типа) и, въ большинствѣ случаевъ, большими, въ особенности у женщинъ, которыя часто слѣпнутъ. Между молодыми женщинами и дѣвушками нерѣдко попадаются красивыя лица.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *панар'а*¹⁾, съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя бараньи шапки и непременно съ прорваннымъ верхомъ, лоскутъ котораго болтается по вѣтру; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ заветная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или при свадьбѣ. Зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою посверхъ ихъ тулуну или армяки изъ домашняго сукна.

Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, очень узкой, холщевой рубахи — *панар'а*, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкой. Сверхъ рубахи надѣваютъ *шунпанъ*, родъ узкаго халата, съ разлѣзнымъ передомъ; *шунпанъ*, какъ и *панаръ*, имѣетъ короткіе по локоть узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу расшитъ красной шерстью и гарусомъ съ блестками и мишурой. Кромѣ того, до 1850-хъ годовъ, женщины носили праздничный *покай* (о которомъ сказано выше), тоже родъ *шунпана*, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покай* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ четверть аршина ширины, и весь *покай* блестѣлъ словно парчевой. — Передъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдняя и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками. Талія перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ мѣшечекъ для разныхъ мелкихъ вещей — *лакомку*, а сверху повязываютъ красный шерстяной кушакъ. На голову бабы надѣваютъ нѣчто въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурой, это — *шыландъ*, въ который они

1) Здѣсь и ниже въ рукописи *панаръ* вм. *панаръ*. А. III.

убирають голову совѣтъ съ ушами, такъ что волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускають пряди волосъ причеъ щеголихи завивають ихъ въ кудри; сзади *шыманъ* стягивается завязкою и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ концемъ, длиною вершковъ въ 6, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами, къ *шымидну*, привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пугови, по три на сторону. — Въ ушахъ носятъ огромныя мѣдныя или оловянныя серыги; этотъ уборъ мордовки работаютъ сами. — Мордовскій національный костюмъ встрѣтилъ здѣсь гоненіе во время земскихъ засѣдатель: одинъ изъ нихъ приказалъ мужикамъ купить своимъ бабамъ ситцевъ, китаекъ и нарядить ихъ въ сарафаны, снявъ *шыманы* и *шуптаны*; мужики, подъ страхомъ строгаго наказанія, исполнили прихоть засѣдателя, но его цѣль обрусенія такимъ способомъ мордвы не удалась, и мордовки, къ удовольствію Оркинскаго населенія, въ особенности стариковъ, остались при своемъ нарядомъ дѣдовскомъ костюмѣ. — Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, *котовъ* (родъ башмаковъ), которые прикрѣпляются къ ногамъ ремнями. — Щегольство разными украшеніями въ большой модѣ у мордovieвъ: огромныя мѣдныя серыги, на пальцахъ — множество мѣдныхъ и оловянныхъ колецъ, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стекларусъ или нанизанныя на шнурокъ раковинки, рядовъ въ десять, окружають шею; нѣкоторые шнурки съ этими украшеніями, довольно длинныя, спускаются на грудь и на каждомъ изъ нихъ непременно крестъ или маленькая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодушекъ (которыя первый годъ замужемъ) отличается отъ бабьяго только тѣмъ, что онѣ не носятъ *шымидна*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, въ которую вилетають узенькую ленточку съ кистью изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непременно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильныя холода, ходять онѣ большею частью съ открытыми головами. — Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а инныя курятъ изъ трубокъ — махорку: мордовка,

въ особенности старуха, опершись лѣвой рукой въ бокъ, стоя съ трубкой въ зубахъ, тонкими струйками, съ большимъ наслажде-
нiемъ выпускаетъ вонючій дымъ сквернѣйшаго табаку.

На обязанности женщины лежитъ все управленiе домашнимъ хозяйствомъ, присмотръ за скотомъ, птицею, стряпня, шитье мужской, женской и дѣтской одежды; между ними есть хорошія мастерицы по вышиванiю шерстями. Обработка полей лежитъ на мужчинахъ, женщины же принимаютъ участіе только въ полотьѣ, жатвѣ, молотьбѣ хлѣба и уборкѣ сѣна.

Оркинцы — государственные крестьяне, живутъ въ достаткѣ, нѣкоторые имѣютъ на гумнахъ по нѣскольکو одоньевъ прошлогодняго хлѣба; есть нѣсколько такихъ мордвовъ, у которыхъ ле-
жатъ въ банкахъ капиталы — тысячъ до тридцати рублей; но несмотря на зажиточность, всѣ они живутъ грязно и неопрятно. Въ настоящее время, къ 1 января 1880 года, въ с. Оркинѣ счи-
тается 611 дворовъ, расположенныхъ въ нѣсколько порядковъ и улицъ, — послѣднихъ, довольно большихъ, болѣе 10. Все село съ дворами, площадями и гумнами занимаетъ около $2\frac{1}{2}$ квадратныхъ верстъ. Улицы болышею частью неправильны и узки, съ очень рѣдкими переулками; избы не отличаются правильностью постройки, красотою и удобствомъ, болышинство поставлены на улицу или бокомъ, или задомъ, или же вовсе на дворѣ. Послѣ пожара 3 июля 1879 г., въ который сгорѣло 94 двора, сгорѣвшая часть Оркина по-
строена теперь по плану, и улицы раздѣлены частыми проулками отъ 8 до 20 сажень шириною. Избы крыты соломой, и во всемъ селѣ только 92 избы, крытыхъ тесомъ; строятся онѣ обыкновенно изъ черпоглѣся, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются потомъ глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, болышею частью разной величины: одно меньше, другое болыше; сбоку, на улицу, на высотѣ окна, вмѣсто послѣдняго, непременно оставляютъ въ стѣнѣ щель, пальца въ два шириною, которую затыкаютъ тряпкой, а нѣкоторые вставляютъ кусокъ стекла. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатый полъ и тотъ со щелями. Избы въ болышин-
ствѣ топятъ по черному, а нѣкоторыя, хотя и сдѣланы съ рус-

скими печами и трубами, но зимою, «для тепла» топятъ также по черному. Въ этихъ избахъ живутъ семьи, нерѣдко человекъ въ 30, а съ ними, въ зимнее время, помѣщается и скотина: телята, ягнята, поросята и куры; воздухъ въ такихъ избахъ постоянно пропитанъ одуряющей вонью и къ тому же въ зимнее время не достаетъ и свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзають насквозь; повсюду грязь и нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, пауки заплетаютъ углы, по потолку, палатамъ, по стѣнамъ, всюду висятъ паутины. Понятно, что подобныя избы представляютъ мало удобствъ въ гигиеническомъ отношеніи, и обитатели ихъ часто страдаютъ отъ различныхъ болѣзней, въ особенности — кожныхъ и глазныхъ; болью глазъ страдаютъ и взрослые и дѣти.

Въ селѣ есть нѣсколько избъ, содержимыхъ относительно чисто, потому что для скота имѣются другія избы, или онѣ дѣлаются двойныя, раздѣленныя сѣнями: въ одной — помѣщаются хозяева, въ другой же — кухня и скотина.

Заболѣетъ мордвинъ, и его лѣчатъ всякими домашними средствами, а чаще приглашаютъ старуху-знахарку, или водятъ къ ней. Знахарка нашептываетъ на что нибудь больному, или же прежде всего велитъ истопить по-жарче баню и въ ней выварять больного, причемъ страдающему животомъ накладываетъ на него горшки, какъ это дѣлается съ сухими банками. Знахарки эти лѣчатъ и разными зельями, травами, даже мышьякомъ, сулемою и тому подобными ядами, отъ которыхъ пациенты ихъ часто залѣчиваются на смерть. Причины болѣзней преимущественно сырость и холодъ отъ земляного пола, по которому ходятъ босикомъ, отъ зловонныхъ испареній въ жилищахъ, а также отъ неудобоваримой и непитательной пищи.

Умираетъ взрослый парень, спросимъ родственниковъ о причинѣ смерти: «А кто его знаетъ, чѣмъ онъ фараль, — отвѣчаетъ мордва, такъ все ходилъ, все ходилъ, а тутъ фарать сталъ; день, другой — съ недѣля лежалъ и умеръ». — Спросимъ, лѣчили-ли чѣмъ и ѣздили-ли къ доктору? — «Лѣчили, какъ фарать сталъ,

такъ бабка призывалъ, онъ лѣчилъ; въ банѣ парилъ ее, послѣ бани *лѣфка* (легко) будто сталъ ей, потому послѣ бани всякій человекъ *лѣфка* бываетъ и ей *лѣфка* сталъ; допрежъ онъ кашлялъ, а тутъ пуще сталъ, такъ и хрипнѣть, такъ и хрипнѣть, а тутъ пересталъ: *тятяй, авай* (отецъ, мать), говорила она, душно мнѣ, вотъ тутъ больно (мужикъ показываетъ на горло), дышать нельзя; и болѣсть никакой не видать, а баялъ больно, дышать нельзя. — Попрекнешь, что не съѣздили къ доктору и не попросили у него лѣкарства: — «Зачѣмъ лѣкаръ, у насъ бабка все знаетъ, лучше лѣкаръ всякой знать. Ужъ *Пасъ-кормилецъ* знать, что надо, противъ него никакой лѣкаръ нейдетъ. Чего знать лѣкаръ: дастъ ему какой горькой вода, пить тошно, а онъ дастъ. Одна жена лихманка хватилъ, долго мучилъ его, ѣздилъ къ лѣкарю, въ нѣмцы (въ Ягодную-поляну), онъ какой-то мука, съ ложку такъ, далъ мнѣ, баетъ по-съ-эстольку глотать надѣть. Приѣхалъ, да и далъ, такъ жена совсѣмъ было околѣла: тошно, тошно, кричитъ; я скорѣе воды — и отошло». — Спрашиваешь, давалъ-ли онъ еще этого лѣкарства? «Зачѣмъ? нишъ онъ скверна какой далъ. Мы потомъ въ банѣ парилъ ее, ротъ чернилой мазалъ, газъ (фотонафтиль) пить давалъ, сульемой ротъ мазалъ, сульема — это такихъ еще лошадямъ даютъ». — А то, напримѣръ, рассказываютъ, какъ бабка-знахарка вылѣчила одной бабѣ простое воспаленіе глазъ: знахарка сдѣлала изъ сулемы и еще какихъ-то зелѣй смѣсь и, завязавъ въ тряпицу, «*на пробу*» привязала къ одному изъ больныхъ глазъ бабы, та сѣла прѣсть и прѣла до тѣхъ поръ, пока видно не въ тернежъ стало отъ снадобья; отвязала тряпицу, а глаза какъ не бывало, — сулема сдѣлала свое дѣло; понятно, что другой глазъ она уже не дала лѣчить! — Эти знахарки въ тоже время и повитухи, но въ большинствѣ случаевъ и въ этомъ дѣлѣ, такъ же какъ и въ лѣченіи, ничего не смыслятъ. — Между знахарками есть особенно выдающіеся, которыхъ знаетъ окрестность верстъ на 30; есть и специалисты по лѣченію сибирки: является къ одной изъ нихъ пациентъ съ подозрительнымъ прыщемъ, сибиркой будто бы; знахарка, не задумываясь, накаляетъ до бѣла острый шпигоръ

(большой гвоздь) и выжигает подозрительное пятнышко, не обращая вниманія на вопли паціента. — Нѣкоторыя изъ нихъ довольно успѣшно лѣчатъ заболѣвшихъ сифилисомъ. — Не такъ давно знахарки придумали новое лѣкарство отъ лихорадки: даютъ больному клоповъ, которыхъ кладутъ, потихоньку отъ него, въ хлѣбный мякишъ, закатывая его вродѣ пилюли; послѣ приѣма такого оригинальнаго лѣкарства больного рветъ ужасно, и лихорадка иной разъ проходитъ.

Такъ лѣчится мордва; иные и ѣздятъ къ фельдшеру; разъ дадутъ больному, а потомъ бросаютъ. До 1877 года земскій фельдшеръ и аптечка находились въ с. Озеркахъ, за 6 верстъ отъ Оркина, а съ 1877 г. земскій фельдшерскій пунктъ переведенъ въ колонію Ягодную-Поляну, тоже въ 6 верстахъ отъ села. Мордва ужасно боится оспы, оттого что она безобразитъ дѣтей, почему они имъ охотно прививаютъ ее, чего нельзя сказать про русскихъ сосѣдей въ с. Озеркахъ.

Интересенъ уходъ мордвы за ребенкомъ; лишь только онъ появится на свѣтъ, то мать-роженницу ведутъ въ баню, съ нею несутъ и новорожденнаго, котораго также моютъ и парятъ, какъ и мать, не разбирая, что для него вода можетъ быть горяча и въ банѣ черезчуръ жарко: терпигъ рука — значить можно купать и мыть. Выходя изъ бани, уносятъ всѣ вещи роженницы, даже вѣшникъ, которымъ ее парили, а то злые люди могутъ испортить ее. На первыхъ порахъ ребенка кормятъ грудью, но черезъ нѣсколько дней ему даютъ соску изъ кислаго ржаного хлѣба; надо замѣтить, что бабка, только что родившемуся ребенку даетъ жѣвку изъ ржаного хлѣба съ солью, причемъ стараются влить непременно въ горло ребенку цѣлую ложку такой жѣвки. Съ перваго же дня ребенка помѣщаютъ въ колыбель — *лаусъ*, которая чаще всего дѣлается изъ корзинки или загибается изъ лубка въ родѣ ящика, въ который набиваютъ соломы или трухи, а сверху кладутъ ветошку — старый *шуппанъ*, а на него ребенка, завернутаго въ разное тряпье; подстилка въ колыбели рѣдко просушивается и еще рѣже перемѣняется, такъ что вонь и сырость почти

никогда не покидают ребенка: онъ заболѣваетъ, кричитъ и не спитъ, тогда его лѣчатъ,—кипятятъ маковыя головки въ молоко и поятъ его этимъ настоемъ, отъ котораго онъ дурѣетъ и засыпаетъ; но это продолжается недолго: отъ частаго употребленія маковаго настоя чувства ребенка притупляются, и настой на него не дѣйствуетъ, но лишь раздражаетъ и онъ мечется. — Мѣсяца черезъ два ребенка приучаютъ ѣсть все то, что ѣдятъ взрослые, ему даютъ картофель, хлѣбъ и вареную во щахъ капусту: появляются поносы, дитя слабѣетъ и нерѣдко, отъ плохого ухода и лѣченія домашними зельями, умираетъ. Отъ дурного ухода ростъ ребенка и развитіе его замедляются, а потому нерѣдкость встрѣтить между мордвою мужчинъ и женщинъ не болѣе 2-хъ аршинъ. — Въ лѣтнее время, когда мать занята работой, дитя поручается нянѣ — 5—6 лѣтней сестренкѣ или наемной дѣвчкѣ, которая, укачавъ его въ колыбели, убаюкиваетъ пѣсней и выносить на улицу; лишь только ребенокъ въ состояніи немного сидѣть, нянька сажаетъ его къ себѣ на плечи, ноги перевѣшиваетъ впередъ и, зацѣпивъ его рубашенку себѣ за голову, носитъ его на себѣ, убаюкивая при этомъ постояннымъ напѣвомъ: «ба-ля-ля-а-а». Надо слышать, чтобы составить себѣ понятіе, какъ баюкаютъ дѣтей пѣсней: ребенокъ-нянька оретъ такъ, что въ ухахъ звенитъ даже у взрослого.

Посмотримъ теперь на свадебные обряды мордвы: въ старину у нихъ, обыкновенно, за мальчика лѣтъ 10—12 сватали дѣвку лѣтъ 20 и старше, такъ что случалось и еще не такъ давно, что 12 лѣтній парнишка женатъ на 20—25 лѣтней бабѣ, нянчающейся съ нимъ, какъ мать: мужъ-ребенокъ вволю набѣгается и наиграется днемъ, а вечеромъ заснетъ гдѣ-нибудь, жена отыскиваетъ его и несетъ спать домой. И теперь мордва женитъ парней рано, преимущественно лѣтъ 17-ти, испрашивая часто разрѣшеніе архіерея, по несовершеннолѣтію жениха. Невѣсты же берутъ моложе 19—20 лѣтъ, почему нерѣдко случается видѣть молодого, часто мальчишку, передъ пожилой бабой—женой. Парень, желающій усватать себѣ невѣсту, нѣсколько дней, по

вечерамъ, ходить по окнамъ избъ, высматривая и выбирая невесту «по вкусу и мысли», и затѣмъ посылаетъ къ родственникамъ ея своихъ сватовъ, которые, съ полуштофомъ водки, входятъ въ избу невесты и помолясь садятся въ передній уголъ за столъ; поговоривъ о томъ—о семъ, какъ водится, приступаютъ къ дѣлу. Невѣста, замѣтивъ за чѣмъ пришли гости, тотчасъ убѣгаетъ или прячется гдѣ нибудь въ избѣ. Ежели рѣчь сватовъ и ихъ предложеніе нравится ей и ея родственникамъ, то она выходитъ изъ своего убѣжища, наливаетъ, изъ принесенной сватами бутылки, водку въ стаканы и подчуетъ гостей; если же предложеніе не нравится, то, выбѣжавъ, она схватываетъ бутылку и разбиваетъ ее объ полъ, затѣмъ ругаетъ жениха и его родственниковъ, и даже выгоняетъ ихъ изъ избы; обычай этотъ теперь вывелся.

Въ старину бывали часто случаи, что ежели невеста или ея родные не соглашались отдать дѣвку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно уговаривались съ священникомъ и, отыскавъ затѣмъ прятанную невесту, силою привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, запиралъ двери, какъ только введутъ парня и дѣвушку, и вѣнчалъ ихъ, несмотря на мольбы и упорство невесты. Но случалось, что изъ за этого, между родными той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: такъ, рассказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили невесту, произошла между той и другой стороной страшная рѣзня серпами¹⁾; этотъ обычай теперь совершенно вывелся.

Въ случаѣ согласія невесты, сваты предлагаютъ родственникамъ ея выпить, послѣ чего договариваются о *кладкѣ* и кончаютъ обыкновенно на томъ, что женихъ обязанъ выставить отъ

1) Мы видимъ изъ Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Казачева (1855 г.), что мордва въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ Оркинскою: Мордовскіе браки совершались тамъ также *самокрутомъ* — похищеніемъ невесты, хотя всегда съ согласія невесты и ея матери. О поливаніи могилъ, оставленіи на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго (о чемъ будетъ сказано ниже), тоже упоминается Казачевымъ, также какъ и о разговорахъ съ покойникомъ (пиршества эти назывались *мо-лѣтми*, но священники ихъ запретили).

10 до 15 ведеръ водки, сшить невѣстѣ новую шубу, купить нѣсколько красныхъ платковъ, коты и непременно сундукъ для всякаго добра. Послѣ совѣщанія о *кладкѣ* идетъ пиръ горой, причемъ выпиваютъ на первый разъ нѣсколько ведеръ водки. Проходить недѣля, другая и настаетъ время свадьбы; до того женихъ иногда посѣщаетъ невѣсту и приноситъ ей лакомства: рожки, дешевые пряники, орѣхи, конфекты-леденцы.

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой, у невѣсты бываютъ *«супрядки»* — помочь, причемъ ей помогаютъ шить *панѣры*, *шущпаны*, платки и прочее; угощеніе на этихъ *супрядкахъ* и водку дѣвкамъ доставляетъ женихъ. Наканунѣ свадьбы невѣсту водятъ въ баню, гдѣ она моется съ подругами; потомъ имъ запрягаютъ пару или одну лошадь, съ колокольчикомъ подъ дугой, и онѣ ѣдутъ кататься по селу, причемъ, почти всѣ онѣ пьяныя, становятся въ телѣгу или сани, смотря по времени года: по срединѣ стоитъ невѣста, а подружки, охвативъ другъ друга руками, кольцомъ окружаютъ ее; у дѣвокъ за красными кушаками заткнуты бѣлыя полотенца (куски холста) или платки, подаренные женихомъ; всѣ раскраснѣвшіяся, какъ маковъ цвѣтъ, съ открытыми головами, не смотря ни на какую погоду и морозъ, онѣ катаются по селу и съ пѣснями ѣздятъ изъ улицы въ улицу; на перекресткахъ невѣста плачетъ, рыдаетъ и причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, отъ котораго проулокъ ведетъ къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, рыдаетъ и причитаетъ такъ громко, что слышно бываетъ на сосѣднихъ улицахъ, — это невѣста прощается съ умершими родственниками; случается, что она не умѣетъ причитать, тогда одна изъ подругъ, закрывъ ротъ платкомъ или рукавомъ, исполняетъ необходимый обычай, иначе люди будутъ смѣяться; ежели же и подруги не умѣютъ причитать, то нанимаютъ плакальщицу.

Наканунѣ же свадьбы, въ домахъ жениха и невѣсты готовятся къ приему гостей, а у последней еще съ вечера, собравшіяся бабы-свахи и родные готовятъ особаго рода пирогъ для молодыхъ — *лукишу*, изъ хорошаго бѣлаго тѣста, начиняя его

разными снадобьями и всѣмъ, что ни попало подъ пьяную руку: мясомъ, яйцами, лукомъ, кашей и прочимъ. Въ то время какъ разваливаютъ для такого пирога тѣсто, бабы поютъ разныя салныя пѣсни, съ такими же прибаутками; на это время изъ избы выгоняютъ всѣхъ мужиковъ, и пирогъ готовится непременно при невѣстѣ. Кто впадѣлъ, какъ готовится *лукиша*, — ѣсть его не станетъ, ежели брезгливъ. — *Лукиша* относится свахами къ матери невѣсты, причемъ на верхъ пирога, убраннаго украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ сыраго мяса, солонины или ветчины.

Вечеромъ, у жениха и невѣсты, служатъ молебны, а на другой день, приготовившись къ свадьбѣ, благословляютъ жениха, и онъ ѣдетъ въ церковь. За нимъ собирается невѣста: изба ея полна народу — дѣвокъ и родственниковъ; шумъ, гамъ, спертый воздухъ — стоятъ въ ней невообразимые; при благословеніи невѣсты (*кудѣтъ*), снимаютъ съ полки, служащей образницей, маленькую икону и ею раза три-четыре, отецъ, а потомъ мать обводятъ вокругъ головы невѣсты и даютъ ей приложиться, послѣ чего невѣста прощается съ отцемъ, матерью, родственниками, причемъ раздаются уже неспротиворечивые плачъ и рыданія; затѣмъ она прощается со столомъ, скамейкой, печью, ухватами и прочей утварью; выходя на дворъ — прощается со скотиной, телѣгами, санями, сохами, столбами, подпирающими навѣсы двора; наконецъ, ѣдетъ въ церковь, на присланныхъ женихомъ лошадяхъ. Въ это время *подружье*, или «*немыридишъ*», пріѣзжаетъ отъ жениха за имуществомъ невѣсты, но дѣвки — ея подруги не выдаютъ его даромъ, ему передъ носомъ запираютъ ворота: подружье платитъ гривну или семякъ; его пускаютъ во дворъ, но въ сѣни — не пускаютъ; онъ опять даритъ дѣвокъ семякомъ или гривной (3 копейки серебр.), входитъ въ сѣни, — въ избу не пускаютъ; наконецъ, онъ въ избѣ, но дѣвки не даютъ вещей невѣсты — выкупи; платитъ снова и уложивъ добро въ привезенный сундукъ, увозитъ къ жениху, тамъ онъ въ свою очередь не уступаетъ сундука, стоящаго у него въ телѣгѣ или саняхъ, сидитъ на немъ и требуетъ платы — водкою. Сундукъ снимается только тогда, когда пьяный подружье до того охмеле-

лѣтъ, что свалится съ него. За подарки, дѣвки напиваютъ всѣмъ поѣзжанамъ-мужикамъ мохорки изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ къ шапкамъ.

Поѣздъ съ невѣстой, выѣхавъ со двора, останавливается на улицѣ: здѣсь дружко, съ иконой въ рукахъ, крестясь, три раза обѣгаетъ кругомъ поѣзда, и тогда отправляются къ церкви, причемъ невѣста, покрывъ лицо краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непремѣнно рыдаетъ.

Мордва суевѣрна, поэтому никогда не согласится вѣнчаться въ тотъ день, когда въ церкви отпѣвали покойника, тогда свадьбу откладываютъ до слѣдующаго дня.

Введя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами, и такъ же ведутъ въ домъ молодого, причемъ молодые идутъ въ вѣнцахъ, въ сопровожденіи священника и причта, при перезвонѣ колоколовъ.

Дома, молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и *лукшей*; все это привозится въ сундукахъ, вмѣстѣ съ добромъ невѣсты, котораго обыкновенно бываетъ очень немного. Вскорѣ молодого, почти совсѣмъ пьянаго, отводятъ въ амбаръ, потомъ берутъ молодую и подойдя къ дверямъ амбара, говорятъ: «*Варисъ, варисъ на тонятъ рявя*» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дверь, гдѣ ее схватываетъ молодой. Начинается гулянье и тянется недѣлю, рѣдко, развѣ въ рабочую пору, три-четыре дня; толпами въ 20, 30 и болѣе человѣкъ ходятъ въ гости, а чаще ѣздить, къ молодымъ и ихъ роднѣ, выпивая при этомъ огромное количество водки: у мордвы нѣтъ другого угощенья, какъ водка и мясо, а то и просто одинъ хлѣбъ на закуску, ежели же кто остается обѣдать, то подаютъ на столъ: щи съ мясомъ, лапшу, кашу, блины. На каждой свадьбѣ гуляющихъ бываетъ до 100 человѣкъ; угощаютъ сперва родные, но послѣ 3—4 дней, каждый угощается на свой счетъ—въ складчину. Послѣ вѣнца, молодые гуляютъ вмѣстѣ съ гостями. Теща угощаетъ молодого зятя яйцами въ смятку и яичницей.

Молодая, тотчасъ послѣ свадьбы, принимается за работу по хозяйству, и ей обыкновенно приходится работать больше всѣхъ, такъ какъ она должна подчиняться и быть на побѣгушкахъ у старшихъ снохъ и свекрови. Проходить годъ и молодая (*урьва*) надѣваетъ уже *шымпанъ* (бабій головной уборъ) и тогда становится совершенно бабой — «уряшъ».

Погребальные обряды мордвы отличаются своеобразностью: лишь только больной начинать томиться, какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или окно ставятъ чашечку съ водой, чтобы душа, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней. Сказываютъ, что нѣкоторыя бабы «изъ досужихъ» (знахарки и монашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умереть человѣкъ и душа изъ него вылетитъ. Тѣло покойнаго обмываютъ, надѣваютъ чистое бѣлье и обуваютъ въ лапти; къ умершему собираются родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего, обыкновенно, бабы — старухи. Плакать по умершемъ считается обязанностью для женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу): вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причитаетъ около покойника; плачущую унимаютъ, и она, послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ и тѣмъ поминаетъ покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая. Какъ только она начнетъ рыдать, старшая въ домѣ женщина беретъ гропъ или трешникъ и, ставъ передъ лицомъ покойника, начинаетъ пожомъ скоблить мѣдъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что хочешь; пойдешь можетъ въ бесѣду, на крестины, свадьбу, аль еще куда. Поворожи за насъ (живыхъ) тамъ и кланяйся Ивану, Дарѣ, Надѣ. . . . и проч.», называя всѣхъ умершихъ родныхъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, въ особенности между бабами), то просятъ поворожить на томъ свѣтѣ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ.

Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры на приличную случаю тему, больше всего о покойникѣ; нѣкоторые зажиточные приглашаютъ чтецовъ — читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и, проснувшись черезъ часъ или два, начинаютъ рассказывать сны: кто какъ видѣлъ покойника; по снамъ судятъ о томъ, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ надо помянуть его и что подать за него. — Готовъ и гробъ, въ него кладутъ усопшаго и, въ былое время — лѣтъ 15 — 20 тому назадъ (еще въ 1860-хъ годахъ), съ нимъ клали лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ дѣлаютъ лапти) и даже трубку, ежели покойный курилъ, — потому что на томъ свѣтѣ пригодится.

Покойника выносятъ въ церковь, въ домѣ же скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ концѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы «*укрѣпить*» мѣсто для другихъ, чтобы не умирали оставшіеся. Послѣ похоронъ дѣлаютъ обѣдъ-поминки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непременно съ своимъ хлѣбомъ, и сначала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собираютъ обѣдъ и поминаютъ хозяйскимъ. На третій, девятый и сороковой дни поминаютъ снова умершаго и, когда соберутся всѣ родственники, выходятъ на дворъ или на улицу, и здѣсь, передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю, потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и всѣхъ пришедшихъ на поминки родственниковъ. На *родительскую*, послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день, мордвы ходятъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и т. под., поминаютъ усопшихъ и служатъ на могилахъ панихиды. На кладбище ходятъ обыкновенно бабы и ребятишки; поплакавъ и помолвившись надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги на могилу, пьютъ потомъ сами и ѣдятъ. Плакать надъ могильнымъ крестомъ и плакать громко, во весь голосъ, считается обязанностью, а потому, во время родительскихъ поминковенныхъ дней, на кладбищѣ стоитъ стонъ отъ

бабьяго вопля и рыданій. Часть блиновъ, лепешекъ и прочаго оставляють на могилахъ, а также нѣкоторыя оставляють и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., при чемъ говорятъ: — «На вотъ тебѣ одѣжа, можетъ, тамъ нужно». — Все это собирають потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Мордвы суевѣрны и трусливы, но бабы, въ особенности знахарки, бывають смѣлы и ночью ходять на кладбище, затѣмъ чтобы просить умершихъ знахарей помочь въ ихъ нуждахъ по исцѣленію какого либо больного; для этого знахарка идетъ вечеромъ на кладбище, отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобли ножомъ мѣдный трешникъ, просить у мертваго, что ей надо.

Праздникъ, особенно почитаемый мордвами — *Рождество Христова* (въ Оркинѣ — престольный). Въ этотъ день мордвы гуляють и ходять другъ къ другу въ гости. Утромъ на Рождественскій сочельникъ ребятишки, мальчики и дѣвочки 6—10 лѣтъ, собираются и ходять *колядовать*: остановившись передъ окнами избы и, построившись въ рядъ, они поють. [Текстъ колядки напечатанъ выше. А. III.].

Кончатъ ребятишки *каляду*—и имъ выносятъ, нарочно испеченныхъ для того, лепешекъ, называемыхъ *калядашками*.

Въ святки дѣвки и парни мало гадають, старики же и старухи гадають больше объ урожаѣ слѣдующаго лѣта: для этого берутъ обыкновенно луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимають чешуйки, изъ нихъ 12 ставятъ на столъ и насыпають въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрятъ, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распустившейся соли, и такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12-ти мѣсяцевъ въ году и, по счету, первая съ правой стороны принимается за Январь, вторая — за Февраль и т. д., то поэтому судятъ, въ которомъ мѣсяцѣ, какая будетъ погода: сухая или дождливая. Объ урожаѣ гадають также на снопахъ хлѣба: на ночь выставляютъ на кольяхъ снопы — ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ, и на которыхъ будетъ больше инея, тотъ уродится

лучше. — Молодые ребята, подлежащие рекрутству, ходят ночью съ кольями на прудъ и опускают ихъ въ прорубь: кто изъ нихъ легче выдернетъ, черезъ нѣсколько времени, изъ замерзшей проруби свой коль, тотъ освободится отъ рекрутчины, но кто совсѣмъ не вынетъ — пойдетъ непременно на службу. Бабы, подъ Новый годъ, ходятъ, сядя въ верхомъ на помело, слушать на перекрестокъ.

Но вотъ настаетъ Крещеніе, хозяйки опять запасаются лепешками — *колями*, которыя дѣлаютъ въ видѣ серпа полумѣсяца. Съ утра ребята и взрослые парни скачутъ по селу на лошадяхъ отъ одного родственника къ другому и собираютъ *лепешки-коши*. Послѣ маленькихъ, ѣдятъ взрослые, которые, конечно, не ограничиваются лепешками, и хозяева угощаютъ ихъ водкой. Послѣ обѣда, лишь только станутъ выходить изъ церкви съ иконами, мордвы стрѣляютъ изъ ружей залпами и въ одиночку, что продолжается и на *Иордани*, при погруженіи креста въ воду.

Масляницу мордва проводитъ такъ же, какъ и русскіе: ѣдятъ блины, гуляютъ, катаются на лошадяхъ, а молодые парни и дѣвки — больше съ горъ на салазкахъ. По вечерамъ водятъ хоро-воды. Но лишь наступитъ постъ, какъ всѣ, и взрослые и малые, стараются говѣть на первой же недѣлѣ, чтобы, очистившись въ началѣ, не грѣшить во весь постъ. Со второй или третьей недѣли поста, лишь только солнышко начнетъ пригрѣвать по-сильнѣе и пойдутъ оттепели, по вечерамъ дѣвки собираются гдѣ нибудь на площади у амбара, или прижавшись гдѣ у избы, поютъ «*веснянки*» — славятъ весну. Мордвы обыкновенно поютъ русскія пѣсни, конечно, съ выговоромъ на свой мордовскій ладъ; мордовскихъ пѣсенъ у нихъ осталось мало и изъ нихъ многія становятся непонятны самой мордвѣ; такова, напримѣръ, одна изъ *веснянокъ*, словъ которой они не понимаютъ:

Авѣ, сѣна сѣна
Новѣ якѣня
Новѣ якѣня!...

Дальше они добавляют въ этой пѣснѣ свое — про всѣхъ мужиковъ и бабъ своей улицы: однихъ хвалятъ, другихъ хулятъ и ругаютъ, называя чумичкою, затычкою въ трубѣ и пр. — Другая, понятная, *веснянка*, имѣющая религіозный характеръ стараго времени, поэтично сравниваетъ весну съ красивой дѣвушкой, взлелѣянной родными батюшкой, матушкой и братьями. Вообще пѣсни, которыя поются постомъ, — религіознаго содержанія.

Наступаетъ Свѣтлая недѣля, за ней *Красная юрка*, и дѣвки цѣлыя ночи водятъ съ парнями хороводы: отъ вечерней до утренней зари раздаются по селу ихъ громкія пѣсни, а то вдругъ заиграютъ «*дали-ли-да-да*» и подъ эту пѣсню и игру на рожкѣ, на которомъ нѣкоторые парни играютъ мастерски, дѣвки идутъ плясать: *хороводъ* образуетъ продолговатый кругъ, въ средину котораго выходятъ двѣ дѣвушки, начинаютъ потоптывать на мѣстѣ и, медленно разводя руками, подергивая плечами и становъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто (мѣняются мѣстами) — въ этомъ и состоитъ вся пляска. Нѣкоторые парни, большею частью рекруты, имѣютъ гармоникки, но играютъ на нихъ очень плохо и на свой мордовскій ладъ.

На *Троицу* и русскій *семицъ* дѣвки, собравшись хороводами, идутъ въ лѣсъ, рвутъ цвѣты, выютъ изъ нихъ вѣнки и, надѣвъ ихъ на головы, идутъ въ село; впрочемъ, собственно вѣнки выютъ рѣдкіе, обыкновенно же убаиваютъ цвѣтами голову, втыкая ихъ въ волосы надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ кисточками, вплетаютъ красныя ленты. Дѣвушки входятъ въ село шеренгой, схватившись рука съ рукой; обнявшись, идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Всю зиму бабы прядутъ ленъ и пеньку, а весною, во время паши и междупарья, онѣ ткутъ холсты, и далеко слышно по улицѣ, какъ онѣ торопливо бьютъ бѣрдами. Бабѣ много работы: всю зиму пряла, а весной должна соткать столько холста, чтобы его хватило на *панѣры* и *шуйпанѣры* себѣ, на рубашки мужу и ребятишкамъ — словомъ на все, такъ какъ у мордвы цѣтъ ни

одного купленного базарного лоскута, а вся одежда состоитъ изъ домашняго приготовленія; самое меньшее, что выпрядетъ и наткетъ баба за зиму и въ весну — это 60 аршинъ посконнаго и столько же льняного холста. За послѣднее время молодые парни стали носить по праздникамъ красныя кумачевыя рубашки, бумажные триковые штаны и сапоги съ каблуками.

Время пашии — мужики торопятся пахать и сѣять; засѣваютъ не только свою душевую землю, но и много сѣмной: бѣднякъ — и тотъ имѣетъ не менѣе 3-хъ десятинъ сѣмной земли, такъ какъ главное занятіе Оркинцевъ — земледѣліе. Они снимаютъ земли у окрестныхъ владѣльцевъ: Киндякова (Петровскаго уѣзда) — за 10 верстъ отъ Оркина, мѣщанскую — города Петровска — тоже за 10 и болѣе верстъ, Сокурской экономіи наслѣдницъ князя Голицына — за 5—10 верстъ, и другія, иногда за 30 и болѣе верстъ, платя (въ 1880-хъ годахъ) за десятину тридцатку (2400 квадр. сажень) отъ 5 до 12-ти рублей, а за вспаханную — до 18—20 рублей. Сѣютъ они пшеницу, овесъ, ячмень, просо, гречу и особенно много подсолнечниковъ; картофель сѣется на своихъ поляхъ и въ огородахъ. Всѣ не вонедшія въ развертку и неудобныя мѣста по горамъ запахиваются подъ бахчи, на которыхъ сѣютъ и сажаютъ: арбузы, дыни, тыквы (*«дуракъ куртъ»*), огурцы (*«куяртъ»*) и картофель.

Всего въ Оркинскихъ дачахъ удобной для пашии земли, въ 1880-хъ годахъ, было 7128 десятинъ; хозяйство ведется трехпольное: паръ, озимъ и яровое. Душевой надѣлъ на каждую душу не особенно великъ, такъ какъ они кромѣ земледѣлія ничѣмъ другимъ не занимаются за весьма немногими исключеніями, при чемъ нѣкоторые изъ мордвовъ нанимаются въ междупарье и осенью *корчевать* пни, по 4 копѣйки отъ cadaго пенька, или огульно — стъ 25 до 45 рублей за тридцатную десятину. Убравшись осенью съ хлѣбомъ, они всю зиму ничего не дѣлаютъ, развѣ намолотятъ оставшійся хлѣбъ и отвезутъ его на мельницу или въ Саратовъ на базаръ. Нѣкоторые въ междупарье и зимою занимаются извозомъ, но не особенно много и лишь въ хорошій

годъ. Ремеслами занимаются мало: 3 — 4 плохихъ сапожника изъ мордвовъ и 1 странный, человекъ 10—15 плотниковъ, 1 столяръ, онъ же и стекольщикъ, 2—3 плохихъ печника, сложенные которыми печи непременно дымятъ; нѣсколько *швецовъ* крестьянской одежды — кафтановъ и полушубковъ (последній промыселъ открылся не болѣе 6 лѣтъ тому назадъ — въ самомъ началѣ 1870-хъ годовъ), 3 кузнепа и 1 плохой слесарь — вотъ и всѣ ремесленники въ Оркинѣ, въ 1880-мъ году. Въ селѣ имѣется одно овчинное заведеніе, содержимое крестьяниномъ Резянкою, у котораго работаютъ 4 овчинника. Четверо Оркинскихъ крестьянъ имѣютъ мелочныя бакалейныя лавочки (въ 1880 г.), но только у двоихъ: Саюшкина и Цибина онѣ порядочны, и въ нихъ можно найти все, что нужно для сельчанина. Нѣкоторые крестьяне торгуютъ мясомъ и хлѣбомъ: последнимъ дѣлали большіе обороты (въ 1870-хъ и 80-хъ годахъ) братья Кичайкины. Лѣтомъ и зимою приѣзжаютъ въ Оркино *офени*, или какъ ихъ здѣсь называютъ — «шабольники»: они торгуютъ иглами, блестками и разной мишурой для украшенія *шумпановъ* и *шылмановъ*, красной мережкой, тесемками, нитками и тому подобной мелочью, между прочимъ и воблой; *офени* обыкновенно мѣняютъ свой товаръ на тряпки (*шаболы*), за что и прозвали ихъ *шабольниками*.

Съ весной уходятъ изъ села половина ребятишекъ, отъ 10 до 18 лѣтняго возраста, въ погонщики воловъ къ Сокурскимъ хохламъ, у которыхъ проводятъ все лѣто до поздней осени; за эту работу, кромѣ выговоренной одежды, они получаютъ каждый отъ 25 до 35 рублей за все время.

Осенью поздно, убравши хорошій урожай, мордва принимается за свадьбы. Мордва вообще не прочь повеселиться и быть въ кампаніи. Любитъ мордва и пѣски, и свои мордовскія и русскія. [Далѣе приводятся три пѣсни, напечатанныя выше. А. Ш.].

У мордвы не особенно много своихъ пѣсенъ, но онѣ не лишены поэзіи и напоминаютъ былые ихъ годы. Рѣдко услышишь въ Оркинѣ мордовскую пѣсню, поютъ ее чаще старики и старухи, а молодежь больше — русскія.

У мордвы есть и сказки, но содержаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, взято изъ русскихъ; несмотря однако на это, а также и на то, что у нихъ давно школа, что кругомъ Оркина, въ близкомъ сосѣдствѣ, живутъ русскіе, даже въ самомъ селѣ есть около 10 русскихъ семей (мало отличающихся, впрочемъ, отъ мордвы) и въ самомъ языкѣ ихъ много русскихъ словъ и такихъ своихъ — значеніе которыхъ уже позабыто всѣми, полное обрусеніе мордвы въ с. Оркинѣ не замѣтно, и оно идетъ очень медленно.

Въ 1840-хъ годахъ открыта была приходская церковная школа; потомъ, вслѣдствіе плохой постановки дѣла, она нѣсколько разъ закрывалась и опять открывалась. Въ 1861 году, при образованіи Озерской волости, въ составъ которой вошло и село государственныхъ крестьянъ *Оркино*, въ школу было, какъ видно изъ вѣдомости, 50 учениковъ; учителемъ состоялъ священникъ А. Преображенскій. Затѣмъ церковно-приходская школа была закрыта и въ 1869 г. вновь открыта — уже на средства общества съ участіемъ въ содержаніи ея Саратовскаго уѣзднаго земства. Сначала школа помѣщалась въ наемной квартирѣ, но въ 1872 г. общество построило, около сельскаго правленія, отдѣльное помѣщеніе для школы въ 5 сажень длины и 3 сажени ширины; въ немъ же помѣщается и квартира учителя. Въ 1875 г. училище это перенесено на церковную площадь и поставлено рядомъ съ церковью. За 1875/6 учебный годъ въ школѣ было 88 учениковъ, въ томъ числѣ 2 дѣвочки — дочери священника и дьячка, а къ 1 января 1880 г. (при учителѣ А. Л. Леонтьевѣ) въ Оркинскомъ земскомъ училищѣ было болѣе 100 учениковъ; изъ нихъ въ февралѣ 1880 года 6 учениковъ окончили полный курсъ сельскихъ училищъ и получили свидѣтельства на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Ученики неаккуратно посѣщаютъ школу: въ день приходитъ отъ 40 до 70 дѣтей; виною тому — невѣжество родителей, часто задерживающихъ дѣтей дома, а также недостатокъ помѣщенія въ школѣ, гдѣ на всю массу учениковъ только 8 столовъ, длиною въ 1 сажень. Занятія въ школѣ начинаются поздно, верѣдко въ концѣ

октября; оканчиваются къ веснѣ, какъ сойдетъ снѣгъ и оттаютъ горы, окружающія село; тутъ большинство мальчиковъ уже не ходятъ въ школу: одни — гонягъ овецъ на подножный кормъ, по прошлогодней высохшей травѣ, другіе — уходятъ въ отхожіе промыслы — въ погонцы воловъ, а потому въ школѣ занятія продолжаются, при очень небольшомъ количествѣ учащихся. Несмотря на то, что уже 10 лѣтъ, какъ существуетъ въ Оркинѣ правильная школа, едва ли здѣсь наберется (въ 1880 г.) чело-вѣкъ 100 грамотныхъ, умѣющихъ читать и кое какъ подписать свое имя, и то изъ нихъ $\frac{1}{3}$ солдатъ, научившихся читать и писать на службѣ.

Мордва по русски объясняется плохо, женщины же часто вовсе не умѣютъ говорить по русски. Мордвы, вообще, отъ природы — хитры, честолюбивы и часто неуважительны; до сихъ они относятся къ школьному дѣлу — иные холодно, а другіе даже непріязненно. (1880 г.).
